

ПОГОВОРИМ О ПЕСНЕ

Леонид Осипович Утесов — народный артист СССР, старейшина советской песни, ее горячий популяризатор и пропагандист, давший путевку в жизнь многим песням и композиторам.

Сегодня он ведет нашу очередную беседу.

Л. О. УТЕСОВ

В ПЕСНЕ — душа народа, и, познав эту душу, познаешь народ.

Велика душа нашего народа, и велика его песня. Разные песни есть у нас. Песни-друзья, песни-бойцы, песни-строители. «Нам песня строить и жить помогает», «Нам песня жить и любить помогает» — чудесные определения Лебедева-Кумача, спасибо ему за это! Но есть еще одно правильное определение существа песни: «Новые времена — новые песни». Попробуем же разобраться в этой песенной эволюции.

Я бы сказал о нашем народе — народ-песенник. Какие же были песни до революции? Народные, с крестьянской тематикой. Городские с мещанским уклоном. Романсы русские, дыганские. Песни и романсы композиторов-дилетантов (кстати, были они не такими уж дилетантами). Но всегда особенно волновали народ песни революционные, зовущие на борьбу с царизмом.

Новые времена — новые песни. Дело тут было вовсе не в том, чтобы только слова стали другими. Надо было создавать новые песни и по форме, и по содержанию. Это был очень сложный процесс. Достаточно вспомнить, что пытались приспособить старые мелодии к новым текстам. Так, например, на мелодию романса «Белая акация» были написаны слова «Смело мы в бой пойдем».

Наступили новые времена, и нужны были новые песни. И они начали появляться. Это были маршеобразные мелодии с военной тематикой, и если отдавать дань первоначальному, то, пожалуй, «Марш Буденного» (музыка Дм. По красса) заслужил быть названным в первую очередь. Были и такие песни, как, например, «Наш паровоз, вперед лети», которые на эстраде не исполнялись, но в народе были чрезвычайно популярны и звучали обычно на демонстрациях.

Исполнителей советских песен в сегодняшнем понимании этого жанра тогда, в двадцатых годах, не было. Не было радио, не было телевидения, не было звукового кино. По каким же каналам проникала песня в массы?

Жажда пения — вот канал. Песен было мало, а петь хотелось, и люди подхватывали любую мелодию. Хорошую и плохую. Всегда ли подхватывается хорошая песня? Скажу: к сожалению, нет. Наоборот, чаще делается популярной менее достойная. Примеров можно привести множество. Стоит ли?

Началом расцвета советской песни следует считать 30-е годы. Появляется целая плеяда талантливых композиторов-песенников, и начинает выявляться свой, новый стиль советской песни. Здесь и героика, и пафос строительства, и лирика.

Я умышленно не называю ни одного имени композитора. Вы сами их всех хорошо знаете. Начнешь перечислять, кого-нибудь забудешь — обида, огорчение, и ему, и тебе неприятно. По себе знаю.

Но подлинного расцвета советская песня достигла во время Великой Отечественной войны. Формула «Когда говорят пушки — музы умолкают» была категорически опровергнута. Музыка песни не только не умолкла, а активно, с воодушевлением включилась в гул орудий, став несокрушимой силой в борьбе за правое дело.

Война закончилась. Мы воспели победу и снова принялись за работу под мирным небом. Зазвучали новые песни о нашем замечательном времени, о наших соотечественниках.

Основным положительным качеством советской песни я считаю ее своеобразие и самобытность. Она могла быть иногда и несколько однообразной, но никогда не элитарной. Она не была продуктом «моды». Она может нравиться или не нравиться, но она наша, совет-

ская, и она резко отличается (в ее хороших образцах) от западных «шлягеров».

А порой слышишь, как в подворотнях разгулявшиеся молодые люди орут под гитару (именно орут, а не поют) эти «шлягеры». Надо ли говорить, что такое «пение» не является проявлением хорошего тона и не свидетельствует о хорошем вкусе «исполнителей».

Сегодня наша песня извлекается от некоторого однообразия и приобретает новые черты. Появилась большая группа молодых композиторов, пишущих весьма оригинальные по музыкальному языку песни.

Нисколько не сомневаюсь, что в ближайшее время и они и маститые их коллеги, давно рекомендовавшие себя в этом жанре, обнаружат свои произведения, посвященные предстоящему историческому событию — 50-летию Великого Октября.

Вряд ли надо говорить, что это дело их чести, чести художника и гражданина — создать сочинения, прославляющие прекрасное наше время и прекрасных наших современников.

Поскольку у нас сегодня вечерняя беседа, мне хочется обратиться к вам, дорогие друзья, и как к слушателям. Не ошибусь, если скажу, что понятие читательской аудитории наверняка охватывает и понятие слушательской аудитории. Не так ли? Ведь все вы, дорогие товарищи, любите хорошую песню!

Многие слушатели любят определять качество песни по принципу, запоминается ли она сразу. Это весьма порочный принцип. Сразу обычно запоминаются песни с банальными музыкальными оборотами, похожие на многие им предшествующие. В этом и заключается успех некоторых «шлягеров», а иные великоленные песни поначалу проходят почти незамеченными. Бывает песня, доступная сразу для восприятия и тем не менее высокоталантливая. Кажущаяся простота в данном случае средни таланту. Это случается значительно реже.

У нас были и есть песни, ставшие «чемпионами» СССР, проникшие во многие страны мира.

Заговорив о песне, надо поговорить о певцах. И тут мне приходится не упоминать име-

на. От этого задача усложняется. Пожалейте меня, читатель! У нас много хороших певцов и достаточно хороших песен. Не будем сравнивать оперных певцов с эстрадными, как никто, надеюсь, не пытается сравнивать оперу с эстрадной песней. Это разные вещи, и относиться к ним нужно по-разному, и творить их нужно тоже по-разному.

Особо мне хочется сказать о так называемых микрофонных певцах. Есть у нас «теоретики», воюющие с микрофоном. Нашим микрофонным певцам часто приходится переживать огорчения от упреков подобных теоретиков. Милые враги микрофона! Что плохого вы нашли в этом замечательном изобретении XX века?

Давайте представим себе, что микрофона нет. Что же делать тогда с Зеленым театром, с Дворцом спорта и другими огромными аудиториями, возникающими повсюду в нашей стране? Представляете ли вы себе самого Шаляпина или Карузо, выступающего в Зеленом театре без микрофона?

Микрофон — усилитель звука, и не больше. Голос — это инструмент. На нем еще нужно уметь играть. Хорошая скрипка сама не играет. Я предпочитаю хорошего певца с небольшим голосом плохому с огромным. Как я предпочитаю хорошего скрипача, играющего на обыкновенной скрипке, плохому, играющему на «Страдивариусе»! Дело не в микрофоне. Если нет ничего в горле и в сердце, песни не будет. Если в горле много, а в сердце пусто — тоже ничего не получится. Если в горле мало, а в сердце много, поможет микрофон, и в ответ зажгутся сердца. Больше мысли, больше сердца, а о звуке изобретатели уже позаботились. Спасибо им большое.

А вот как наделить человека горячим, любящим сердцем и высокими помыслами, изобретатели не придумали и, пожалуй, не придумают. Так вот, любезные мои друзья, рассматривайте эстрадных певцов так: музыкант ли он, несет он мысль или сам не понимает, о чем поет, любитесь ли красотами своего голоса и ущерб смыслу песни.

Мне могут возразить: конечно, хороший скрипач на обыкновенной скрипке лучше, чем плохой на «Страдивариусе». Но ведь может быть и так: хороший скрипач на «Страдивариусе»? Может быть, но редко. Слишком мало выдающихся певцов, и опера нуждается в них больше, чем песня, а потребность в песне велика. С песней шли бойцы в бой за Родину, с песней трудятся и отдыхают. Слава песне!